

A man with curly dark hair and a woman with long brown hair and bangs stand in front of a city under construction. The man is wearing a red and gold patterned robe, and the woman is wearing a gold and brown armor. The background shows a city with many buildings under construction, with scaffolding and cranes visible. The sky is cloudy and the lighting is warm, suggesting a sunset or sunrise.

Дмитрий Крещеный

*Псковские
хроники*

Дмитрий Крещеный
Псковские хроники

«Автор»

2026

Крещеный Д.

Псковские хроники / Д. Крещеный — «Автор», 2026

Шестнадцатый век, глухая Свято-Благовещенская Никандрова пустынь Псковской земли. Бывший воин укрывается в глуши от собственного безумного, неумного ума под суровым монастырским уставом. Но появление загадочных высокородных всадников, не просящих благословения, ломает привычный порядок. Оставленный гостьей дружеский жест активизирует на виске монаха невидимую «клипсу» духовного зрения. Чернец шагает в ночную тьму у целебных колодцев, чтобы увидеть истинную, пугающую изнанку вековых болот.

© Крещеный Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Необычные всадники	5
Глава 2. У двух колодцев	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Крещеный

Псковские хроники

Глава 1. Необычные всадники

Монах стоял в сумрачном зале храма и тщетно пытался молиться. Долго. Но мысли его были далеко от святого места.

Он никак не мог сосредоточиться. Временами, застыв перед алтарем, он ловил себя на мысли, что вообще забывает, зачем здесь стоит. Обычно всё шло по заведенному кругу: вечерняя молитва, поклоны, мерный монастырский устав. Сегодня ничего не клеилось. Он никак не мог сосредоточиться. Губы послушно шептали заученное: *«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...»*, но в голове не было Бога. Буквы канона казались сухими, как прошлогодняя листва. Вечерняя молитва, поклоны, мерный монастырский устав — всё шло прахом. Возникало жуткое ощущение, будто он исчезал из храма и оказывался в каком-то другом, чуждом мире. Эхо этих странных видений преследовало его с недавних пор. С той самой встречи.

Монастырь стоял в глухих, дальних лесах Псковской земли. Тот, кто не знал, никогда до него не пробрался бы. Дорога туда ветвилась, петляла, то становилась заметной, то заваливалась буреломом и пропадала совсем. Добраться мог только знающий. Да и то — ходу было долго, на лошади добрых полдня, не меньше.

И вот в эту глушь объявились гости. Необычные, из тех, что здесь никогда не бывали.

Вельможи. По одежде видно — едва ли не царского рода. Человек и спутница, неизвестные монастырской братии. Знал их по видимому, только старец — именно к нему и держали путь эти гости. Несмотря на дальнюю и трудную дорогу, одеты они были роскошно. Бархат, мех, золото, жемчуг. Впрочем, этот богатый наряд нисколько не мешал им уверенно держаться в седлах и гнать лошадей наперекор лесной чащобе.

Он — высокий, с черными, густыми, будто завитыми волосами, темными карими глазами и смуглой кожей. В чертах лица угадывалась кровь восточных предков.

Она — красавица, под стать спутнику. Белокожая, светлая, с льняными волосами и широко открытыми, почти голубыми глазами. В ее облике проступала холодная, северная, норманнская порода. Да и вся она казалась гостьей из тех далеких краев.

Монах вспомнил их первое появление. Тогда он сильно удивился. Дорога до монастыря — изнурительная, долгая. Какими бы тренированными ни были кони и всадники, лес оставляет свои следы. На сотни верст вокруг — ни деревень, ни сел, ни хуторов. Места, где можно было бы остановиться, переодеться или смыть грязь, отсутствовали в принципе.

Но гости выглядели так, будто провели в седле от силы минут тридцать. Бодрые, собранные. Пыль на одеждах и крупах лошадей, конечно, виднелась, но лишь слегка, тонким налетом.

По монастырскому уставу братии не полагалось пялиться на приезжих. Монахи должны ходить, опустив взгляд в землю. Но визитеры были слишком необычными. Не только этот монах, но и вся остальные то и дело искали поводы выйти во двор. Якобы по хозяйственной надобности — кто с ведром, кто с охапкой дров, — но глазами стреляли все до единого.

Пара приехала одна, без челяди и охраны. Спутник норманнской красавицы наверняка был храбрым и опытным воином, но в этих глухих дебрях путешествовать вдвоем — чистое безумие. Разбойники здесь не переводились никогда. Они ни за что не пропустили бы такой богатый, кричащий улов. И тем не менее всадники добрались живыми, невредимыми и совершенно спокойными.

Старец вышел к ним на крыльцо. Похоже, ждал, наблюдал из узкого окна кельи. Обычно он не снисходил до гостей, а тут — встретил лично. Как будто знал, что приедут.

Черноволосый мужчина лишь слегка, едва заметно склонил голову перед старцем. Он даже не подумал попросить благословения. Для верующего это выглядело дико. Монах подмечал каждую мелочь, крутясь неподалеку с какими-то делами. Он просто не мог заставить себя уйти и выкинуть их из головы.

Они манили его. Дело было не в богатстве одежд — роскошью его сложно было удивить. Монах сам был непрост. До пострига он получил хорошее образование, читал много книг. И далеко не все из них были церковными писаниями или трудами отцов церкви. В его прошлой, мирской жизни бывали совсем другие книги. Правда, здесь, в монастыре, держать такую литературу строго запрещалось. Во всяком случае, ему — простому чернецу.

Глава 2. У двух колодцев

Филофей стоял у поленницы, вкопав взгляд в гнилую солому. Долетавшие обрывки фраз были сухими, как щебень: черноволосый вельможа не просил благословения, его челюсть двигалась с монотонным ритмом императорских указов.

— Се приидохом, отче, якоже речено бысть, — клекот гостя пробивал сырость двора, выстраивая воздух в жесткие линии. — Время близ есть, и знамения на земли пождют.

Старец на крыльце не шелохнулся. Его левое легкое сипело, выдавая частоту ответного сигнала:

— Вниди в келию мою, сыне. Не пред очима братии беседу сию творити подобает.

Чернец сильнее сжал топориче. Это был не язык монастырских грамот. Так скрежетали медные шины, которые Лактанций запечатал под оловом иерусалимских икон.

Когда тяжелая дверь кельи захлопнулась, отрезав Старца и вельможу от мира, пепельная Дева осталась на дворе. Она не озиралась с любопытством. Ее широко открытые голубые бельма сканировали бревенчатые стены, конюшни и настилы, фиксируя износ конструкций. На восковых губах застыла маска вежливости — пустая, безжизненная улыбка прибора, переведенного в режим ожидания.

Филофей вздрогнул, когда она двинулась прямо к нему. Ее ступни в легких поршнях не переносили вес — она штамповала шаги по грязи, не оставляя глубоких следов, словно плотность ее мяса была снижена. Она встала вплотную. Из ее рта, опоздав на долю секунды за звуком, вывалился местный, псковский говор, но синтаксис был слишком чистым, мертвым, как у скопированного текста:

— Слыхала я, монах, буде у вас тутотка колодезь дивный. С живой да мёртвой водой. Ну-ка, проводи меня к нему. Нам чудо высматривать надо.

Ее голос пахнул могильным подвалом. Филофей, выученный на сухой латыни, с трудом протолкнул воздух через сжавшееся горло:

— Есть, боярыня. Есть колодезь... Вода здешняя, со дна бьет. Всякую немощь прочь гонит, коли с молитвой. Пойдем.

Они вышли на лесную тропу, за невысокий бревенчатый забор, поставленный против медведей. Чернец пытался идти на полшага впереди, как требовал устав, но Дева беззвучно догоняла его, удерживая фиксированную дистанцию — плечо к плечу, дюйм в дюйм.

Августовский зной поднял из болот тучи злой мошки и слепней. Черный кафтан Филофея облепили сотни насекомых, они лезли в глаза, кусали шею до крови. Но вокруг Девы воздух стоял ледяной, стерильный. Гнус отлетал от ее пепельных волос на расстоянии ладони, сгорая или падая на гравий, будто натыкался на раскаленный невидимый контур. Она этого не замечала.

Они дошли до поляны, где притерлись два бревенчатых сруба. Между ними было не более пяти шагов. На вековом настиле лежали черпаки и пустое дубовое ведро.

Филофей перехватил дужку, собираясь опустить железо в левый сруб, где была ключом живая вода. Мертвую воду для питья не брали — ею умывали рваные раны и язвы.

— Подожди, монах, — звук оборвал хруст цепи.

Дева замерла. Ее синие губы плотно сжались. Все ее восковое тело натянулось как струна, а голова начала мелко, часто подергиваться из стороны в сторону — так работает гироскоп, ищущий точку опоры. Черты лица заострились, вытянулись, превращая маску боярыни в хищный, пугающе правильный профиль механической птицы.

«Это не молитва», — подумал Филофей, пятясь к сосне.

Ее зрачки расширились, полностью затопив голубую роговицу фосфорной чернотой. Прибор внутри ее черепа отключил внешние фильтры и ушел в глубинное сканирование. Она высматривала кабели. Медные трубы Северного узла, лежащие под этой поляной тысячи лет, отозвались утробным, металлическим зудом прямо сквозь подошвы их обуви. У чернеца заняли коренные зубы.

«Падучая?» — мелькнула дикая человеческая мысль. Филофей примерился, чтобы перехватить ее тело, если восковое мясо рухнет на гравий.

Но падать она не собиралась. Система завершила калибровку сектора. Чернота в ее глазах медленно втянулась обратно, и Дева повернула к нему шею — резко, без фаз, со звуком повернувшегося шарнира. Ее языковые фильтры окончательно сбились, и вместо бабьего просторечия из ее рта хлынул мертвый, чеканный слог Лактанция, калечащий слух Филофея античным синтаксисом:

— Како ти зде обитается, монаше? Уже ли многа лета во стране сей пребываеши? Не узрел ли еси кромѣ обычая знамений каких в зверях лесных или в деревьях причудных?

Слова падали как удары спаты по граниту. Этот язык резал псковскую сырость, не оставляя места для человеческой лжи. Филофей молчал, размазывая кровь от укусов слепней по щеке, и смотрел в ее немигающие, соколиные бельма, понимая: прибор под их ногами только что выбрал его своим следующим оператором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.